

7. Марчук, В. В. Квалификация преступлений: учеб. пособие / В. В. Марчук; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2013. – 176 с.

8. Хилюта, В. В. Должностное лицо как субъект хищения (часть 2) / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

УДК 343.233

**СПЕЦИФИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОЦЕНКИ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ
ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАЛИЧИЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ
ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Меркурьев Виктор Викторович

доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму, НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», ул. Азовская, 2, корп. 1, 117638 Москва, Российская Федерация, merkuriev-vui@mail.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, юридический факультет, ФГКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», ул. Большая Нижегородская, 67 Е, 600020 Владимир, Российская Федерация, il8@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой оценки действий, совершенных вследствие заблуждения относительно наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Авторами анализируются положения российского и белорусского уголовного закона, а также точки зрения ученых относительно дискуссионных вопросов квалификации ошибки лица в наличии таких обстоятельств. Отмечается, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, закреплена в качестве самостоятельного обстоятельства, что обеспечивает нормативную основу квалификации деяний, совершенных при указанной ошибке, позволяет сформулировать законодательные ориентиры уголовно-правового понимания таких ошибок. В Российской Федерации применен иной подход к нормативному закреплению уголовно-правовой оценки деяний, совершенных при заблуждении лица относительно наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния –

общие начала квалификации таких деяний находят свое отражение в ч. 1 ст. 28 УК РФ, а дальнейшую конкретизацию получают в разъяснениях высшей судебной инстанции. В результате исследования сделан вывод о том, что несмотря на различия в подходах к нормотворчеству, законодатели как России, так и Республики Беларусь в достаточной мере закрепляют «право лица на ошибку» относительно наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, ошибка, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, невиновное причинение вреда.

THE SPECIFICS OF THE CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF ACTIONS COMMITTED AS A RESULT OF DELUSIONS ABOUT THE EXISTENCE OF CIRCUMSTANCES THAT EXCLUDE THE CRIMINALITY OF THE ACT IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Viktor V. Merkuriev

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Scientific Support
of Prosecutor's Supervision and Strengthening of the Rule of Law
in the Field of Federal Security, Interethnic Relations and Countering Extremism,
Research Institute, University of the Prosecutor's Office, 2 Azovskaya Str., Bldg. 1,
117638 Moscow, Russian Federation, merkuriev-vui@mail.ru*

Ilya A. Tarakanov

*PhD in of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service, 67 E Bolshaya Nizhegorodskaya Str.,
600020 Vladimir, Russian Federation, il8@list.ru*

Abstract. The article deals with the features of the criminal-legal assessment of actions committed as a result of delusions about the existence of circumstances that exclude the criminality of the act in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The authors analyze the provisions of the Russian and Belarusian criminal law, as well as the views of scientists on the controversial issues of the qualification of a person's mistake in the presence of such circumstances. It is noted that in the Criminal Code of the Republic of Belarus, an error in the presence of circumstances that exclude the criminality of an act is fixed as an independent such circumstance, which provides a normative basis for the qualification of acts committed with this error, and allows us to formulate legislative guidelines for the criminal-legal understanding of such errors. In the Russian Federation, a different approach is applied to the normative consolidation of the criminal-legal assessment of acts committed when a person

is mistaken about the existence of circumstances that exclude the criminality of the act – the general principles of the qualification of such acts are reflected in Part 1 of Article 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, and further specification is obtained in the explanations of the highest judicial instance. As a result of the study, it is concluded that despite the differences in approaches to rule-making, the legislators of both Russia and the Republic of Belarus sufficiently fix the «right of a person to make a mistake» regarding the existence of circumstances that exclude the criminality of the act.

Keywords: circumstances that exclude the criminality of the act, error, necessary defense, causing harm during the detention of the person who committed the crime, extreme necessity, innocent infliction of harm.

Уголовно-правовой институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, без сомнения, нуждается в модернизации в целях совершенствования и гармонизации практики его применения. Универсализация обстоятельств, исключающих преступность деяния, на основе сближения правовых систем мира, видится вполне логичной и закономерной, поскольку позволит обеспечить единство правоприменительной деятельности.

Гармонизация и совершенствование практики применения исследуемого института подразумевает необходимость обращения к законодательству зарубежных государств с целью выявления положительного опыта законотворчества и его внедрения в отечественное уголовное законодательство. Следует заметить, что в отдельных государствах наблюдается тенденция к расширению перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, что во многом обусловлено вопросами создания нормативной базы для дифференцированного подхода к оценке правомерности вреда, причиненного в результате тех или иных действий лица, находящегося в состоянии гражданской самозащиты.

Так, в структуру Уголовного кодекса Республики Беларусь входит глава 6 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», включающая в себя ст. 37 – «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния».

Согласно ч. 1 ст. 37 УК Республики Беларусь, если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются соответственно по правилам ст. 34 (необходимая оборона), 35 (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление) и 36 (крайняя необходимость) указанного Кодекса.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК Республики Беларусь если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Анализируя специфику такого законодательного решения, Ю. Е. Духовник отмечает, что разрешение проблемы ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, путем внесения отдельной статьи следует признать весьма удачным, поскольку оно «дает правоприменителям нормативную основу квалификации такого рода деяний, способствует укреплению законности и исключает применение уголовного закона по аналогии» [1, с. 114].

Исследуя положения ст. 37 УК Республики Беларусь в контексте правил квалификации мнимой обороны, Д. С. Птащенко отмечает следующее: «Регламентация мнимой обороны уголовно-правовыми нормами об ошибках в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, характерна только для уголовного права Республики Беларусь. Этот подход формулирует более конкретные законодательные ориентиры уголовно-правового понимания мнимой обороны и правил ее квалификации. Однако в пределах этого подхода отсутствует прямое разграничение мнимой обороны от иных разновидностей ошибок в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а «нормативное приравнение» мнимой обороны к необходимой обороне не отражает различную уголовно-правовую природу этих уголовно-правовых ситуаций» [2, с. 266]. Представляется, что данное мнение следует признать справедливым и применительно к двум другим обстоятельствам, в отношении наличия которых совершается ошибка – мнимому задержанию и мнимой крайней необходимости.

Таким образом, ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (таких, как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайняя необходимость), в уголовном законодательстве Республики Беларусь признается самостоятельным обстоятельством наряду с перечисленными. Однако, по мнению Ю. Е. Духовника, рассмотрение юридической природы такой ошибки дает полагать о невозможности ее причисления к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния – речь идет об уголовно-юридически значимом поведении личности, содержанием которого является причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в отсутствие актуального контроля сознания лица [3, с. 48–49].

Таким образом, рассматриваемая статья Уголовного кодекса Республики Беларусь является, без преувеличения, уникальной, не встречающейся в законодательстве других стран – участников ОДКБ.

В связи с этим представляет интерес вопрос о целесообразности включения аналогичной по содержанию статьи в уголовное законодательство Российской Федерации в рамках универсализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в целях обеспечения единства правоприменительной деятельности Союзного государства.

Следует заметить, что в отечественном уголовном законодательстве не содержится прямого указания на правила квалификации действий, совершенных в ситуации, когда лицо ошибочно полагало о наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Однако «право лица на ошибку» находит свое закрепление в ч. 1 ст. 28 УК РФ, согласно которой деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Представляется, что заблуждение лица о наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является частным случаем ошибки, указанной в ч. 1 ст. 28 УК РФ, поскольку такое лицо считает свои действия правомерными, а, следовательно, не осознает их общественной опасности.

Дальнейшую конкретизацию особенности квалификации действий, совершенных при мнимой обороне и при мнимом задержании лица, совершившего преступление, находят в положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Так, согласно п. 16 указанного постановления судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие. При помощи данной формулировки Пленум Верховного Суда РФ признает и закрепляет право лица на ошибку в наличии общественно опасного посягательства.

При этом происходит дифференциация такой ошибки на извинительную и неизвинительную:

1. Если обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства – его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. Анализируя указанную ситуацию, А. В. Неврев отмечает, что «в целом извинительной ошибкой при мнимой обороне является такое заблуждение, когда у обороняющегося

были достаточные основания усмотреть наличие и источник посягательства. В положительном случае имеет место невинное причинение вреда [4, с. 79].

2. Если лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства – его действия подлежат квалификации как преступления, совершенные по неосторожности.

Кроме того, в указанном пункте постановления содержатся разъяснения и по поводу ситуации, при которой оборонительные действия были вызваны лишь чрезмерной впечатлительностью или мнительностью лица: «Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях».

По мнению А. М. Смирнова, нормативную регламентацию мнимой обороны в российском уголовном законе следует признать нецелесообразной: «Придание этому феномену правовой основы со всей очевидностью приведет к необоснованным действиям со стороны лиц, предполагающих, что в их отношении совершается общественно опасное посягательство, оправданию причинения вреда гипотетически посягающим лицам по надуманным, воображаемым поводам, «очевидность наличия» которых в ряде случаев будет нетрудно доказать в суде (например, девушке «реально» показалось, что идущий вместе с ней по темному переулку мужчина «нападет» на нее, поэтому она выстрелила в него из травматического оружия). Необходимо понимать, что при мнимой необходимой обороне посягательства вообще не существует, а вред причиняется невинным лицам» [5, с. 146].

Вопросы оценки правомерности причинения вреда при мнимом задержании находят свое отражение в п. 24 вышеуказанного постановления. При этом вновь происходит разделение ошибки в наличии ситуации задержания на извинительную и неизвинительную:

1. Если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица в состоянии невменяемости, в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершаемого деяния, его действия следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, в том числе и о допустимых пределах причинения вреда.

Аналогичным образом следует оценивать и ситуации, когда при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом, и при этом лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения.

2. Если при задержании лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать указанные обстоятельства о характере противоправного деяния и о том, кто именно совершил преступление, его действия подлежат квалификации по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Следует отметить, что вновь закрепляется положение о том, что если указанные обстоятельства отсутствовали, а лицо не имело хоть каких-либо оснований полагать, что осуществляет задержание преступника, то причинение вреда подлежит квалификации на общих основаниях. Обращая внимание на сходство формулировок в п. 16 и п. 24 рассматриваемого постановления, Т. Ю. Орешкина справедливо замечает, что «к мнимому задержанию применен такой же подход, как и к мнимой обороне» [6, с. 71–72].

На явную связь причинения вреда при мнимом задержании с фактической ошибкой при невиновном причинении вреда обращает внимание А. А. Клюев: «Сохраняя приверженность к причинению вреда в условиях мнимых посягательств, в связи с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, полагаем, что вопросы мнимости необходимо обосновывать ссылкой на невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ), как на наиболее приемлемое, в связи с принципом законности, а не на правомерное причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)» [7, с. 57].

По мнению Т. Ю. Орешкиной, аналогичным образом «следует оценивать и ошибку при крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, т. е. приравнивать к крайней необходимости, физическому или психическому принуждению... Что же касается субъективной ошибки при исполнении приказа или распоряжения, то ч. 1 ст. 42 УК РФ сформулирована исключительно для добросовестного заблуждения исполнителя, не осознающего незаконности приказа» [6, с. 71–72].

Таким образом, предусмотренная ст. 37 УК Республики Беларусь ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо осуществляет

задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния), фактически представляет собой одну из форм невиновного причинения вреда, предусмотренную ст. 28 УК РФ – деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия).

О явном сходстве свидетельствует еще и тот факт, что в ч. 2 ст. 37 Республики Беларусь указано следующее – если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности. Фактически речь идет о таком виде неосторожности, как небрежность, предусмотренная ч. 3 ст. 26 УК РФ. Отличие преступления, совершенного по небрежности, от невиновного причинения вреда заключается в том, что у лица одновременно присутствуют возможность и обязанность осознавать общественную опасность своих действий, а также предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что следует с положительной стороны оценить решение белорусского законодателя о закреплении в числе обстоятельств, исключающих преступность деяния, ошибку в наличии таких обстоятельств, поскольку такое законодательное решение обеспечивает нормативную основу квалификации деяний, совершенных при указанной ошибке, позволяет сформулировать законодательные ориентиры уголовно-правового понимания таких ошибок.

Однако включать аналогичную статью в отечественное уголовное законодательство представляется нецелесообразным, поскольку в России применен иной подход к нормативному закреплению уголовно-правовой оценки деяний, совершенных при заблуждении лица относительно наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния. Общие начала квалификации деяний, совершенных при таких ошибках, находят свое отражение в ч. 1 ст. 28 УК РФ, а дальнейшую конкретизацию получают в разъяснениях высшей судебной инстанции. Таким образом, несмотря на различия в подходах к нормотворчеству, законодатели как Российской Федерации, так и Республики Беларусь в достаточной мере закрепляют «право лица на ошибку» относительно наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Список цитированных источников

1. Духовник, Ю. Е. Развитие и отражение ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь / Ю. Е. Духовник // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57). – С. 110–115.
2. Птащенко, Д. С. Мнимая оборона в уголовном праве государств – участников Содружества Независимых Государств: особенности законодательной регламентации / Д. С. Птащенко // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 2. – С. 261–266.
3. Духовник, Ю. Е. Юридическая природа ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния / Ю. Е. Духовник // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика: сб. материалов XV междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: ООО «Апробация», 2015. – С. 48–49.
4. Неврев, А. В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Неврев; Ин-т международ. права и экономики. – М., 2003. – 166 л.
5. Смирнов, А. М. Мнимая необходимая оборона как уголовно-правовой феномен / А. М. Смирнов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 144–147.
6. Орешкина, Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера / Т. Ю. Орешкина // Уголов. право. – 2016. – № 4. – С. 66–76.
7. Клюев, А. А. Правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / А. А. Клюев // Рос. юстиция. – 2015. – № 5. – С. 56–59.

УДК 343.244

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПЕРЕДАЧЕЙ ПОД НАБЛЮДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ИЛИ ЛИЦ, ИХ ЗАМЕНЯЮЩИХ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Нагорнов Кирилл Игоревич

*исследователь юридического факультета, ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет», ул. Кремлевская, 18,
420008 Казань, Российская Федерация, nagornov_k@inbox.ru*

Аннотация. Представленное в настоящей работе исследование посвящено рассмотрению специально предусмотренного в УК Беларуси 1999 г. вида освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, в связи с передачей под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих (ст. 118). Автор на основе анализа положений национального законодательства современного и советского периода, трудов и разработок научной доктрины, материалов правоприменительной практики останавливается на рассмотрении основания